

Хайдарзода Мурод Пирмахмад,

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе)

Проблемы определения понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в пределах государств – участников СНГ

Как известно, в универсальных документах международного права нет общепринятого определения понятия «экстремизм». Первые попытки определению указанного понятия были сделаны в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., участниками которой являются Таджикистан, Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Узбекистан¹. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 1 указанной Конвенции под экстремизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон».

Анализ этого определения позволяет сделать вывод о том, что в нем основной акцент сделан на антигосударственный насильственный элемент², однако из поля зрения разработчиков выпала такая идеологическая составляющая экстремизма, как возбуждение ненависти и вражды по национальным, региональным, религиозным и политическим мотивам.

Более того, положения данной Конвенции носят рекомендательный характер и не предусматривают установлений об обязательной унификации норм национального уголовного права. Это вытекает из содержания ч. 2 ст. 1 Шанхайской

Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой подчеркивается, что «настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству Сторон, которые содержат или могут содержать положения о более широком применении терминов, используемых в настоящей статье».

В целях совершенствования положений данной Конвенции и других правовых актов государств – членов ШОС, в том числе Таджикистана, Казахстана, Кыргызстана, Китая, России и Узбекистана, в Астане (Казахстан) 9 июня 2017 г. была подписана Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, ратифицированная Республикой Таджикистан 21 февраля 2018 г.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 1 этой Конвенции под экстремизмом понимается «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий».

Как можно заметить, если в понятии экстремизма, указанном в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, основное внимание уделено его антиправительственному элементу, положением, изложенным в п. 2 ч. 1 ст. 1 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с экстремизмом, охватываются не только действия по разрешению политических, социальных, расовых,

¹ Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учебное пособие / отв. ред. В.С. Комиссаров, науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. М.: «Городец», 2009. С. 37.

² Там же; Гречухин М.А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: сб. материалов междунар. научно-практ. конф. М., 2011. С. 449-450.

национальных и религиозных конфликтов посредством насилия, но также включаются другие неконституционные действия, которые в целом олицетворяют формы насильственного и ненасильственного экстремизма.

К сожалению, Конвенция ШОС о борьбе с экстремизмом, как и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, носит рекомендательный характер и не предусматривает обязательной гармонизации национального уголовного законодательства. Это прямо указано в ч. 2 ст. 1 документа, которая гласит: «Настоящая статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или национальному законодательству любой из Сторон, которые содержат или могут содержать положение о более широком применении терминов и понятий, используемых в настоящей статье».

В целях дальнейшего совершенствования вышеупомянутых документов государства – члены ШОС, в том числе Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан, 17 сентября 2021 г. подписали Душанбинскую декларацию двадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества, в которой отражены актуальные вопросы различных сфер, таких, например, как политика, безопасность, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, международная информационная безопасность и т.д.

В частности, в п. 3.2 этого документа отражен вопрос о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, основой которого послужила Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. и другие нормативные правовые акты.

Подчеркивая ключевую роль своих компетентных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, государства-члены считают важным активизировать совместные усилия по предотвращению распространения этой идеологии, в этом контексте отмечая недопустимость вмешательства во внутренние дела государств под предлогом противодействия терроризму и экстре-

мизму, а также неприемлемость использования террористических, экстремистских и радикальных группировок в корыстных целях. Более того, государства подтверждают особую роль Региональной антитеррористической структуры ШОС в совместной борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в целях обеспечения региональной безопасности и готовы наращивать потенциал сотрудничества компетентных органов на этих направлениях.

Кроме того, признавая важность борьбы с экстремизмом и терроризмом, члены организации считают, что важным направлением глобальной антитеррористической борьбы должно стать лишение терроризма социальной опоры, в том числе, ликвидация бедности, безработицы, неграмотности, углубляя сотрудничество в выявлении, предотвращении и пресечении деятельности организаций и отдельных лиц, причастных к терроризму, сепаратизму и экстремизму, наращивать усилия по борьбе с распространением экстремистских и сепаратистских идей, особенно среди молодежи, проведение работы по профилактике религиозной нетерпимости, агрессивного национализма, этнической и расовой дискриминации, ксенофобии, идей фашизма и шовинизма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сравнении с международными правовыми актами, в законодательстве государств – участников ШОС понятие «экстремизм» (экстремистская деятельность) интерпретируется шире как по содержанию, так и по объему.

Существенным шагом в унификации законодательства государств – участников СНГ стал Модельный закон о противодействии экстремизму от 14 мая 2009 г. (далее – Модельный закон), который был принят на 32-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. В Модельном законе определены «основные понятия, принципы и организационно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности, а также ответственность за ее осуществление».

В ст. 1 Модельного закона понятия «экстремистская деятельность» и «экстремизм» используются как самостоятельные понятия.

Под экстремизмом понимается «посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения». Экстремистская же деятельность рассматривается в основном за счет определения объема этого понятия, а именно, как «деятельность общественного или религиозного объединения, средства массовой информации либо иной организации, физического лица по планированию, организации, подготовке или совершению действий», направленных на совершение деяний, перечисленных в ст. 1 Модельного закона.

Модельный закон относит к экстремистской деятельности деяния, имеющие следующую направленность:

- насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности и суверенитета государства;

- публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;

- разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека (социальной группы) по признаку его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности либо отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соеди-

ненные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, должностных лиц указанных органов, комиссий, объединений или организаций, совершенное с применением насилия либо угрозой его применения, а равно применение насилия либо угроза его применения в отношении близких указанных должностных лиц в целях воспрепятствования законной деятельности этих должностных лиц или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за ее осуществление;

- совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и других видов связи, а также оказания информационных услуг.

По справедливому замечанию С.В. Борисова, изучение Модельного закона в целом приводит нас к выводу о том, что своеобразным прообразом, основой для него послужил Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ

«О противодействии экстремистской деятельности». При этом, на наш взгляд, при разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, существовавшие на тот момент в России и других государствах – участниках СНГ в области противодействия экстремизму. К таким проблемам, в частности, до настоящего времени относятся:

1) отсутствие разделения или иного определения соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма;

2) отсутствие нормативно определенных критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий;

3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний¹.

Применительно к уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности и иные деяния, относящиеся к экстремизму на уровне СНГ действует и другой рекомендательный законодательный акт – Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. Модельный кодекс содержит раздел XIII («Преступления против государственной власти»), включающий главу 31 («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»), однако статья 187 («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды») помещена в главе 23 («Преступления против общественной безопасности») раздела VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения» данного рекомендательного акта. Учитывая место данной нормы в структуре Модельного кодекса, можно заключить, что типовым объектом предусмотренного в ней преступления

выступают общественная безопасность и здоровье населения, а родовым объектом – общественная безопасность².

Как видно, в классической своей форме основные признаки экстремизма, которые вытекают из положения универсальных международно-правовых норм, нашли отражение именно в ст. 187 Модельного кодекса, аналогичной ст. 189 УК Республики Таджикистан («Возбуждение национальной расовой, местнической или религиозной вражды»).

Сравнительный анализ ст. 189 УК РТ и ст. 187 Модельного кодекса позволяет выделить следующие основные отличия:

– название ст. 189 УК РТ акцентирует внимание на возбуждении региональной вражды*;

– сопоставление диспозиций ч. 1 ст. 189 УК РТ и ч. 1 ст. 187 Модельного кодекса также указывает на дополнительный признак, который свойственен только УК РТ;

– квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 189 УК РТ и ч. 2 ст. 187 Модельного кодекса почти идентичны, различаются лишь оттенки таких описаний, как п. «а» ч. 2 ст. 189 УК РТ на совершение деяния повторно и п. «г» группой лиц или группой лиц по предварительному сговору;

– в дополнении к этому, часть 3 ст. 189 УК РТ предусматривает нижеследующие квалифицирующие признаки:

а) совершенные организованной группой;

б) повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;

в) повлекшие насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства;

г) совершенные при опасном или особо опасном рецидиве.

Необходимо отметить, что проявления современного экстремизма в международном праве представлены в контексте дефиниций «дискриминация», «ксенофобия», «нацизм», «расизм», «антиесе-

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 119.

² Там же. С. 123-124.

* Возникновение экстремизма на почве региональной ненависти в Таджикистане в 90-е годы прошлого века было организовано определенными социальными группами.

митизм», «нетерпимость» и ряда других схожих категорий, содержание которых в большинстве случаев определяются через призму взаимного переплетения, которые в зависимости от контекста могут трактоваться как в качестве равнозначных, так и разнопорядковых понятий.

Понятие экстремизма, представленного в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, также не может претендовать на всеобщее признание прежде всего потому, что не охватывает всех проявлений современного экстремизма, т.к. в нем основной акцент сделан на его антигосударственный элемент.

В Модельном законе государств – участников СНГ о противодействии экстремизму также нет четкой позиции по поводу разграничения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Понятие «экстремистская деятельность», представленное в указанном законе, по существу, охватывает перечень ряда преступлений как экстремистской направленности, так и террористического характера.

В Модельном уголовном кодексе отсутствуют понятия как самого экстремизма, так и экстремистской деятельности. Единственной уголовно-правовой нормой, которая в общих чертах охватывает наиболее распространенные формы экстремизма, выступает ст. 187 («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»).

Более того, проведенный нами опрос 250 сотрудников правоохранительных органов республики показал, что 51,2% респондентов обеспокоены отсутствием общепризнанного определения экстремизма в международном праве, но 48,4% возлагают надежду на определение понятия «экстремизм», представленное в Шанхайской конвенции.

В силу вышеизложенного мы пришли к выводу о том, что важность комплексного определения экстремизма в международном праве состоит в том, что оно обеспечивает международно-правовую основу для уточнения уголовно-правовой природы экстремизма в национальном уголовном законодательстве.

Куричков Д.О.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о признаках хулиганства

Актуальность исследования такого состава преступления, как хулиганство, обусловлена гибкостью данной уголовно-правовой нормы и активно формирующейся судебной практикой по делам о хулиганстве и иных преступлениях из хулиганских побуждений.

В действующей редакции уголовного закона хулиганство определяется как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением насилия к гражданам либо угрозой его применения; либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социаль-

ной группы; на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования и с иными квалифицирующими признаками, указанными в чч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ. Все три вида альтернативного основного состава хулиганства связаны с психическим или физическим насилием либо его угрозой к гражданам (обществу, в котором находится виновное лицо).

Исходя из анализа судебно-следственной практики по вопросам квалификации хулиганства и иных хулиганских общественно опасных деяний, большее затруднение связано с уголовно-правовой оценкой признаков субъективной стороны, а именно мотива преступления.